

ВЕРА КРЫЖАНОВСКАЯ

Мертвая петля

RUGRAM

МОСКВА
2022

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская В.

К85 Мертвая петля / В. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 238 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77615-3

Вера Ивановна Крыжановская (1857–1924) — русская романистка, известная многочисленными произведениями различной тематики.

«Мёртвая петля» — роман социальной направленности, в котором Крыжановская развивает тему неприемлемости немонархического пути развития государства, рассказывает об опасностях, которые могут встретиться на таком пути.

В советское время эта книга считалась настоящей редкостью и не переиздавалась по причинам своей антикоммунистической направленности.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77615-3

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Глава 1

*«Я-то спою, исполню свой долг,
сказал петух, — а рассветет или
нет, это — уж не от меня зависит».*

Грузинская пословица

На Большом проспекте Петербургской стороны стоял старинный каменный двухэтажный дом с садом.

Очевидно, в нём давно не было никакого ремонта, и дом имел запущенный вид; из под обсыпавшейся штукатурки на стенах кое-где выглядывали кирпичи, а украшавшие ворота и поддерживавшие герб с княжеской короной кариатиды выветрились, почернели и стояли с отбитыми носами.

Был холодный и мглистый октябрьский день. Ворота дома были открыты настежь, а за ними виднелся большой мощёный двор и подъезд с двумя фонарями на каменных колоннах, бывших когда-то белыми, но теперь ставших грязно-серыми.

В глубине двора, у чёрного входа, собралось несколько человек прислуги, оживлённо разговаривавших. Там был дворник в полосатой шерстяной фуфайке и с метлой в ру-

ках, швейцар, лакей в сильно поношенной ливрее, конюх и повар в колпаке и фартуке сомнительной чистоты. Они окружили и слушали молодого плутоватого лакея, который громко разглагольствовал.

— А я вам повторяю, что то — правда. Голову даю на отсечение — не нынче завтра про то объявка будет. Кто хочет со мной об заклад биться на бутылку шампанского, которую я беспрерывно сопру в обручение? — нагло усмехаясь, закончил лакей.

— С ума ты спятил, Петр! Подумай только, что городишь. Статочное ли дело, чтобы князь Пронский, большой барин, вельможа, можно сказать, отец пятерых детей, и женился на жидовке? Ведь срамота-то какая, подумай, да стыд для всего семейства! Нет, про то подумать невозможно! Ты что-нибудь путаешь, — ответил старый лакей.

Его озабоченное, морщинистое лицо даже покраснело от негодования.

— Эх, Прокофий Емельяныч! Как вы, значит, тридцать с лишним лет в доме прожили, да лучшие времена видывали, так вот вы и не можете к разорению господ привыкнуть. А я вам то, верно говорю, что к свадьбе идёт. И дивиться тут нечему, когда об наших делах помыслишь. Всюду долги: дом заложен и последнее именьешко продано; а векселя да исполнительные листы так дождём и сыпятся. По всем, как есть, магазинам задолжали. От таких делов и на самой чёртовой прабабушке женишься.

— Ещё бы, — вмешался повар, размахивая ложкой, которую держал в руках. — В мясной забрали больше трёхсот рублей, и того гляди, креди закроют, а в молочной и зеленой тоже давно не плачено. А какое у нас меню? Тьфу! Разве это обед в княжеском доме? Коли перемены не будет,

я двадцатого числа от места отказываюсь. Право, стыдно нос показать в лавке. Да я сам за последний месяц жалованье не получал.

— Всё равно как я, — со вздохом проворчал швейцар. — Мне ещё за два месяца должны. Ливрея вся сносилась; полюбуйтесь, какую заплату мне жена на локтю поставила; даже не отдали портному в починку. Кабы не дети, да большая комната с кухней, я бы давно ушёл.

— Очень просто, что убежишь от энтакого дома. Работы сверх головы. Вот уж пять часов, а у меня куска во рту не было. Даже и «чаев» нет, потому никто из настоящих господ к нам не ездит, — презрительно прибавил Петр.

— А что это за жидовка такая? С толкучки что ли? — осведомился Прокофий, слушавший молча и грустно понуриив голову. — Там из старьёвщиков есть очинно богатые! Вот, к примеру, Мовша Майдель, у которого я пальто и другие вещи покупаю, большие деньги имеет, да и дочь у него, кажется, есть.

— Вот ещё! Что выдумали! — захихикал молодой лакей. — Нет, наша будущая княгиня другого сорта; ейный «тателе» миллионщик, банкир Аронштейн, а она у него единственная дочь. У одного из братьев в Киеве огромный сахарный завод; а другой Аронштейн богатющий лесоторговец в Вильне. Я его знаю, он теперича здесь. Его камердинер мне двоюродным братом приходится; вот он то мне и рассказал все новости.

— Как же это князь может жениться на жидовке, когда наш закон запрещает нехристей за себя брать? — не сдавался Прокофий, хватаясь за это соображение, как утопающий

за соломинку. На это Петр в ответ только презрительно свистнул.

— Ну, это свадьбе не помеха. Она крестится, только и всего. Вообще, почтеннейший Прокофий Емельяныч, всему этому тиранству, на счёт веры, конец приходит. Не дальше как позавчера я слышал, как барин с сенатором Алымовым о том говорили, что в Питере это — решенное дело, и что будет объявлена свобода веры; тогда всякий женится на ком угодно, даже веру себе выберет кто какую захочет. Я вам предсказываю так же верно, как прозываюсь Петром Билковским, что тогда много русских перейдёт в нашу свенту виру католическу!

— То правда, — поддержал его повар, заядлый поляк и фанатик, подобно Петру. — Потому наша вира католическа — панска вира, а ваша православна — хамска для быдла, для голодрапанцев.

Оба поляка были рады задеть за живое их непримиримого врага — Прокофия, не менее стойко защищавшего всегда своё православие, национальность. Но тот, в ответ на оскорбление, плюнул в сердцах повару в лицо и пошёл в дом.

— А, пшеклентый москаль, — заревел повар, бросаясь ему во след с поднятой ложкой в руке, — ты за это попла-тишься.

Ссора, вероятно, закончилась бы свалкой, в которой принял бы участие и конюх с вожжами в руках, но в это время лихач влетел в ворота и остановился у большого подъезда. Люди поспешно разошлись.

— Папа дома? — спросил приехавший на извозчике юный камер-паж.

— Никак нет! — Его сиятельство в десять утра изволили выехать, — ответил Петр, помогая ему выйти из экипажа.

Прибывший был юноша лет девятнадцати, высокий и стройный, с густыми белокурыми волосами и темно-кариими глазами, казавшимися почти чёрными. В эту минуту он был, по-видимому, чем-то взволнован и озабочен.

Расплатясь с извозчиком, он вошёл в обширную прихожую с колоннами и стал подниматься по широкой лестнице, без ковра, украшенной двумя белыми мраморными вазами, предназначавшимися для цветов или растений, но теперь пустыми. На первой площадке лестницы стояло большое зеркало в роскошной, но почерневшей от времени раме, а рядом бронзовая статуя женщины, державшей лампу.

Паж поднялся во второй этаж и длинным коридором прошёл в просторную и запущенную комнату, с двумя венецианскими окнами в сад. Мебель была золочёная, крытая старым, выцветшим штофом; письменный стол и пузатая шифоньерка, в стиле Людовика XVI, украшенные бронзой и медальонами, были верхом изящества; потолок был расписной и лепной. Через открытую, красного дерева дверь видна была спальня с большой постелью, драпированной голубым на оранжевой шелковой подкладке штофом; стены были расписаны амурами и гирляндами. Но всё это как-то завяло, выцвело, износилось и говорило о минувшей роскоши и погибшем богатстве, которое теперь своими блестящими обломками прикрывало всюду проглядывавшую нищету. Белесоватый полусвет тёмного октябрьского дня только усиливал это мрачное и тоскливое впечатление, рассеять которое не мог яркий огонь, пылавший в камине.

Юноша снял каску и шпагу, расстегнул мундир и, усталый, опустился в кресло. Он так крепко задумался, что не

заметил, как вошёл старый лакей и поставил подле него на стол поднос с чаем, хлебом, маслом и сыром.

— Не угодно ли испить стаканчик горячего чайку? По-года нынче студёная.

Паж вздрогнул и выпрямился.

— А, это ты, Прокофий? Спасибо, старый друг, но чаю я не хочу. Скажи-ка лучше, знаешь ли ты, что здесь творится... насчёт отца, — добавил он с усилием. Старый слуга смутился.

— Болтают разное, — нерешительно, вполголоса ответил он. — Да я поверить не могу, чтобы его сиятельство забыли, кто они...

Старик запнулся, увидав, что молодой князь закрыл лицо руками и тяжело вздохнул.

Настало молчание, как вдруг отворилась дверь из коридора, и на пороге далась молоденькая, лет восемнадцати, девушка, которую по сходству с пажем можно было принять за его сестру.

Она была стройна и тонка, с дивным цветом лица и большими, чёрными, как у газели, глазами; густые, золотистокаштановые волосы, заплетённые в две косы, падали ниже колен.

По-видимому, она тоже была в сильном волнении: щеки её пылали, и глазки горели. Девушка бросилась к брату, схватила его за руку и заговорила, торопливо задышав:

— Арсений, если бы ты только знал, что мне сегодня сказали в консерватории! Одна из учениц моего класса, Айзенберг, понятно еврейка, объявила, что папа женится на её кузине. Я ответила, что она лжёт и что никогда жидовка не будет княгиней Пронской, но тогда Китти Бахтина подтвер-

дила её слова и сказала, что в свете тоже все говорят про этот брак. Я не могла от волнения кончить свой урок и тотчас же уехала домой; да и теперь ещё вся дрожу... Какой позор!

Её душили слёзы и, опустясь в кресло, она судорожно зарыдала. — Ninon, Ninon, успокойся, — бросился утешать её брат и, встав на колени около неё, обнял сестру.

— Ну, не плачь-же, дорогая! Это неправда, это пустая сплетня. Сестра положила голову на плечо брата и закрыла глаза; но вдруг выпрямилась и сказала сквозь слёзы:

— Знаешь, что? Пойдём к бабушке...

— Да, пойдём и расскажем ей всё.

— В эту минуту раздался стук колёс у подъезда, и молодые люди вздрогнули.

— Это папа! Идём скорее, чтобы с ним не встретиться, — торопливо пробормотала княжна.

И они пустились бежать по коридору. Затем, через скрытую в стенной резьбе дверь, брат с сестрой выскочили на лестницу и оттуда шмыгнули в другой коридор, который привёл в гардеробную, где дама в тёмном платье прибирала в стенной шкафчик разные коробочки и склянки с лекарствами.

— Фрейлейн Амалия, бабушка не спит? — спросил Арсений.

— Нет, княгиня встала, — приветливо ответила им компаньонка, жившая в доме больше двадцати лет и знавшая детей с рождения.

Соседняя с гардеробной спальня была пуста и освещалась лишь горевшими перед большим киотом лампадами, но через полуоткрытую в другую комнату дверь пробивался свет. Вдруг Арсений, схватив сестру за руку, остановил

её и приложил палец к губам; в комнате, рядом, хлопнула дверь, и послышался звучный голос отца:

— Я не беспокою вас, татап?

— Нисколько, мой дорогой. Милости просим. Я ещё не видала тебя сегодня.

Бесшумно подкрались молодые люди к двери и, притаясь в складках опущенной портьеры, заглянули в комнату, где их бабушка, Евдокия Петровна Пронская, сидела в кресле у стола.

Худое и бледное лицо старой княгини сохранило следы редкой красоты. Её большие голубые глаза смотрели молодо и умно. Серебристо седые волосы прикрывала кружевная косынка; широкий шёлковый капот вырисовывал стройный ещё стан, а руки, которые перебирали в корзинке шелка и шерсть, были красивы и белы, как у молодой женщины.

Князь-отец был человек лет под пятьдесят, но казался гораздо моложе. Высокого роста, худощавый и стройный, он очень походил на мать; у него были такие же, как у неё, голубые глаза и тот же холодно гордый вид. Чёрные, чуть серебрившиеся на висках и бороде волосы, придавали ему моложавость, что противоречило общему усталому выражению его лица. От него веяло бесспорным, врождённым благородством.

Поцеловав руку матери, он сел у стола и слегка дрожащей рукой подвинул шёлковую бабочку на абажуре так, чтобы его смущённое лицо осталось в тени.

— Ну, что же, мой милый? Ты словно хотел мне что-то сказать, — спросила княгиня, удивлённо и беспокойно смотря на озабоченное лицо сына, который нервно крутил усы.

